

РОЗАМУНД ХОДЖ
ЭТИ
ЧУДОВИЩНЫЕ
БОГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
X69

Rosamund Hodge
WHAT MONSTROUS GODS

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers,
and Synopsis Literary Agency

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Ходж, Розамунд.
Х69 Эти чудовищные боги : [роман] / Розамунд Ходж; пер. с англ. Ю.
Корнейчук. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (BUZZ).

ISBN 978-5-17-181291-1

Много веков назад колдун-еретик Рувен воздвиг вокруг дворца Руна-хии смертоносный шиповник, погрузив королевскую семью в сон и за-ставив замолчать богов королевства.

Обладая особым даром, Лия должна убить еретика. Но едва испол-нив предназначение, она понял долг — еще не выполнен. Теперь Лия должна выйти замуж за члена королевской семьи и заключить договор с богом или умереть.

Хуже того — дух Рувена преследует ее. Но возможно, он сможет по-мочь Лие в ее новой опасной миссии пробудить старых богов. И чем больше растет напряжение, тем сложнее Лие выбрать между принци-пов, вложенных в нее с рождения, и тем, что она считает правильным. А еще между принцем, с которым она связана долгом... и мальчиком, которого она убила. Но он уже много веков играет в эту игру, и как толь-ко она присоединится, выхода не будет...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-181291-1

Copyright © 2024 by Rosamund Hodge
© В оформлении макета использованы
материалы по лицензии © shutterstock.com
© Ю. Корнейчук, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Посвящается моей бабушке
Долорес Ди Рамирес
1933—2021*

*Художнице, домохозяйке, иконописцу
и матери читателя*

БОГИ РУНАХИИ И ИХ СВЯТИЛИЩА

ТОМБРИЭЛ — КОРОЛЬ МУДРОСТИ И НОЧИ

Темный, безликий бог. Его голова — кольцо бледной плоти вокруг пустоты. Он царствует над Луной, звездами и ночью и владеет всей мудростью, заключенной в них. Во лбах его святых перед смертью растет и ширится дыра, наполненная пустотой. Святилище — столица Аназир.

ДЖУНИ-АКХА — КОРОЛЕВА ПОБЕДЫ И ДНЯ

Восхитительная, грозная богиня. Из ее головы растут золотые рога, а за золотой пластиной скрывается лицо, которое никогда не видел ни один смертный. Она царствует над властью, победой и дневным светом. Из голов ее святых тоже растут рога, а костяная пластина постепенно закрывает их лица, пока они не умрут от голода. Святилище — столица Аназир.

НИН-АННА — ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ВЕСНЫ И ИСЦЕЛЕНИЯ

Богиня, похожая на яркий, нежный рассвет. Ее руки сотканы из золота, а на земле, по которой она ступает, растут цветы.

Она царствует над весной, исцелением
и зарождением новой жизни.
Руки ее святых тоже покрыты золотом
и, умирая от жгучей лихорадки,
они продолжают шептать о цветах.
Святилище — центр паломничества Ир-Ацаха.

ЗУМАРИЭЛ — ПОВЕЛИТЕЛЬ ЛЕТА И СТРАСТИ

Свирепый, тоскующий бог.
Из его тела растут десять тысяч
красных лент, которыми он связывает
сердца людей, воспламеняя влюбленных
желанием, а солдат храбростью. Он царствует
над любовью, войной и жаром летнего зноя.
Его святые выращивают красные ленты
на своих телах и умирают, вырывая их.
Святилище — университетский
городок Нан-Дарах.

НИМ-УНА — ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ОСЕНИ И ТАИН

Тихая, внимательная богиня.
У нее сотня глаз, но нет рта,
и ей известны все тайны, которые
когда-либо кем-либо хранились.
Ее святой гимн — шелест падающих
листьев. Со временем на ладонях
и щеках ее святых вырастают глаза.
Святые чахнут, поглощенные ее тайнами.
Святилище — огромный монастырь Зал-Энда.

САРРИЭЛ — ПОВЕЛИТЕЛЬ ЗИМЫ И СМЕРТИ.

Мрачный, неумолимый бог. У него нет языка,
руки заканчиваются кровавыми обрубками,
а повязка на лице закрывает кровавые впадины

на месте его глаз. Он властвует над глухой зимней
порой, концом и смертным часом каждого.
Его святые умирают, лишившись сначала рук,
затем глаз и в конце концов языка.
Святилище — город-фабрика Унданна.

ДВОЕ БЕЗ СВЯТИЛИЩ ИЛИ НАЗНАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

ИМ-ЯРА — ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ПРЕДАННОСТИ

Пылающая верностью богиня.
Пламя окутывает ее руки и сердце,
а глаза сотворены из огня.
Ее вотчина — любая форма непорочности,
верности и преданности. Призрачное пламя
танцует над телами ее святых, пока они
не сгорают заживо.

МОР-ИВА — НОЖ БОГОВ

Темная, кровавая богиня.
Ее грудь — кровавая пропасть,
а свое сердце она держит в обугленных
когтистых руках. Она — Нож богов
и убивает любого, кого считает недостойным.
У ее святых когтистые, обугленные руки,
и в их смертельный час их сердца
разрываются от ее приговора.

Боги молчат.
Теперь боги молчат всегда, и нам в монастыре святой Эруваун об этом известно лучше, чем кому-либо другому.

Боги больше не касаются нашего мира, не создают святых, способных творить чудеса, не разговаривают с нами и, возможно, даже не слышат нас.

Но это не мешает мне отчаянно молиться про себя, пока я почти бегу, и мои ботинки скользят по булыжникам, мокрым от утреннего дождя, чтобы успевать за широкими шагами сестры Зенуван.

«О, Нин-Анна, владычица золотых рук и повелительница исцелений, — безмолвно молюсь я богине нашего монастыря. — Пожалуйста, пусть матушка Уна хоть в этом году скажет мне “да”!»

Ведь я просила об этом каждый год в день своего рождения, начиная с двенадцати лет, а матушка Уна лишь качала головой и говорила, что я еще слишком молода. Но завтра мне исполнится семнадцать, и я смогу принять обеты и постриг, и она больше не заставит меня ждать.

«Пусть в этом году я отомщу за тебя и убью Рувена. Пусть в этом году я верну твоих святых и наконец покончу с чумой!»

Внезапно сестра Зенуван резко останавливается, и я врезаюсь лицом в ее спину.

— Простите, — шепчу я, восстанавливая дыхание.

— Снова грезишь наяву? — Сестра Зенуван оглядывается на меня. — Ходить и одновременно мечтать о чем-то ужасно опасно! — Ее голос серьезен, но она смягчает слова широкой улыбкой, от которой на бледных щеках появляются ямочки и обнажаются голые десна, на которых не хватает зубов.

Сестре Зенуван всего тридцать два года. Это крепкая и сильная женщина, ростом шесть футов¹, но до того, как попала в монастырь, она много лет жила на улице, где продала два своих передних зуба и потеряла еще три из-за инфекции. Она одна из немногих монахинь, которые никогда не сомневались во мне.

В прошлом году матушка Уна впервые раздумывала целый день, прежде чем отказать мне, а после я нечаянно подслушала их разговор.

— Не так уж она и молода, — сказала сестра Зенуван. — В ее возрасте я уже выпотрошила троих мужчин.

— Потому что ты яшилась с бандой воров, — ответила ей матушка Уна. — Лия мягче, чем ты была в ее возрасте, и мягче последней девушки, которая пыталась, но так и не смогла убить Рувена.

— Прости! — говорю я вслух, и сестра Зенуван щиплет меня за щеку.

¹ 6 футов = 1,82 м.

— Просто оставайся начеку, пока мы не вернемся в стены монастыря.

Я чуть не смеюсь. Мы стоим на Хай-Маркет-Стрит — второй по популярности торговой улице во всем городе. Толпа, снующая вокруг нас, — это пухлые матроны, бизнесмены с мрачными лицами и тощие юные подмастерья.

К ближайшему фонарному столбу прислонился полисмен в круглой синей шляпе. Эту улицу патрулируют дважды день, защищая мирных граждан от попрошаек и карманников, но я помню, что мне сказала матушка Уна в прошлом году:

— *Ты все еще такая же мечтательная и легко отвлекаешься. За пятьсот лет в этом монастыре нашлось всего семь девушек, способных войти в терновник и попытаться убить Рувена. Ни одна из них не вернулась, а ты должна быть лучше их всех.*

Поэтому я послушно киваю и следую за сестрой Зенуван в лавку, где на вывеске из полированной латуни написано:

АХАРИН И СЫНОВЬЯ:

ТРАВЫ, НАСТОЙКИ И РЕДКИЕ ЭКСТРАКТЫ

Мы заходим в мой самый любимый магазин из всех, в которых мы бываем, и я жадно втягиваю воздух, наполненный пьянящей смесью запахов: трав и специй, лака и консервантов. Внутри одновременно можно почувствовать мягкий запах травяного сада и резкий запах больницы. Наверное, если Рувен задумает заманить меня в ловушку и сотворит иллюзию, она будет пахнуть точно так же.

Травник, господин Ахарин, — невысокий бледный мужчина с глазами навывкате, которые скрываются за маленькими

золотыми очками, сидящими на его носу. Большинство лекарств мы покупаем у него, и многим монахиням это не нравится, ведь он один из еретиков, поклоняющихся мертвому богу. В задней части его лавки бесстыдно висит распятие, вырезанное из светлого дерева и раскрашенное багровой краской. Алые ручейки крови стекают по скрюченному телу бога-еретика, а рядом с распятием висит маленькая выцветшая картина, изображающая какую-то еретичку, молодую женщину в бело-голубом одеянии.

Но мы продолжаем приходить сюда, потому что сестра Зенуван уверена, что у Ахарина самые лучшие травы в городе. И хотя мне следовало бы ненавидеть все, что связано с еретиками, я не могу не любить магазин господина Ахарина, особенно ряды блестящих баночек с травами, рога нарвалов, свисающие с потолка и диковинные экспонаты, выставленные на витрине.

На этот раз в лавке появилось кое-что новенькое: стеклянная витрина, в которой хозяин разместил двух мертвых скорпионов. Один из них — белый, как кость, а другой — черный, как сажа. Их тела словно застыли в танце. Поднятые хвосты направлены друг на друга в молчаливой угрозе, и дрожь пробегает по моей спине, когда я смотрю на их суставы и изящные клешни. Раньше я видела скорпионов только на картинках в книгах, и, поскольку в жизни они оказались такими же чудовищными, как на рисунках, — по моей коже бегут мурашки. Но я нахожу их странно красивыми.

Внезапно на мое плечо ложится чья-то рука, и я подпрыгиваю от испуга. Но это всего лишь сестра Зенуван.

— Хочешь завести пару питомцев? — спрашивает она.

— Нет, — протестую я, и мое лицо пылает от смущения при воспоминании обо всех существах, от тараканов до котят, которых я когда-либо пыталась приютить.

— Я просто дразню тебя, — тихо смеется сестра Зенуван. — Знаю, что ты это переросла. — Она поднимает корзинку, чтобы показать набранные баночки с травами. — Мы закончили, — говорит она, и я молча выхожу за ней на улицу.

Обычно, когда я выхожу в город с одной из монахинь, мы заходим в полдюжины магазинов, и моя работа заключается в том, чтобы отнести все покупки в монастырь. Но на этот раз нас послали только за травами, которые сестра Зенуван любит носить сама.

Я пошла с ней только потому, что мы собрались навестить нескольких пациентов, которых недавно выписали из нашей больницы. У нас с собой сумка, полная медикаментов, маленьких пакетов с овсом, беконом и засахаренными орешками, которые мы дарим покинувшему наш монастырь людям.

Наш монастырь построен в честь Нин-Анны. Богини весны, новой жизни и исцеления. Мы не только ухаживаем за всеми больными и ранеными, которые попадают в наш госпиталь, но и навещаем их после того, как они покидают его, пока не убедимся, что они полностью исцелились и начали новую жизнь. Это одна из тех вещей, которыми я горжусь больше всего. Мы заботимся о людях не из-за любви к деньгам или долгу, а потому что любим исцелять. Потому что мы исправляем ситуацию.

Вот почему, сколько бы раз я ни терялась в фантазиях вместо того, чтобы заниматься уборкой, или ни дремала во время молитв, мое место все равно в этом монастыре.

Потому что я собираюсь все исправить.

Я так занята мыслями об этом, что матушка Уна разочарованно покачала бы головой, ведь я не обращаю внимания, куда ведет нас сестра Зенуван, пока мы не оказываемся на большой площади перед королевским дворцом.

Я попадаю сюда уже не в первый раз. Все в городе Аназир рано или поздно оказываются на этой площади, превратившейся наполовину в рынок, наполовину в праздничную ярмарку с лотками, торгующими пирогами с мясом, сушеными фруктами и маленькими бумажными макетами того, как, предположительно, когда-то выглядел дворец. Самого дворца никто не видел уже пятьсот лет. В дальнем конце площади за массивной оградой из кованого железа возвышается стена терновника. Огромная, постоянно движущаяся масса колючих темных лоз высотой с фабрику с дымовыми трубами, которая полностью скрывает королевский дворец.

Когда терновник только появился, сотни людей пытались найти путь сквозь его терни, чтобы освободить королевскую семью, но ни один из них не вернулся. В наши дни никто не верит, что есть возможность снять проклятие Рувена, поэтому парламент построил железную ограду, чтобы больше никто не погиб при попытке. Надежда жива лишь в сердцах монахинь монастыря, и только я могу доказать их правоту.

— Сюрприз! — говорит сестра Зенуван, улыбаясь мне.

На одно дикое, полное надежды мгновение я думаю, что, возможно, пришло мое время... возможно, прямо сейчас я отправлюсь туда, что сестра Зенуван решила послушаться матушку Уну, ведь она верит в меня, как никто другой...

— Я подумала, что ты захочешь еще раз посмотреть в один из телескопов? — говорит она. — В честь твоего дня рождения.

Это единственное, чего я должна была ожидать, но внутри меня зарождается странное чувство обиды и разочарования.

Впервые сестра Зенуван привела меня к телескопам на мой двенадцатый день рождения, но ведь сейчас я ста-

ла старше. Неужели она этого не видит? Мне все равно удается улыбнуться и сказать:

— Спасибо.

Мы подходим к маленькой будочке на краю площади, где сестра Зенуван платит две монеты за то, чтобы я посмотрела на дворец в миниатюрный телескоп. Иногда заросли терновника немного приоткрываются, и люди могут увидеть часть арки или дворцового окна, но сегодня я вижу только то, что увидела в прошлый раз: темные лозы, обвивающие дворец, словно рой муравьев на кусочке гниющего фрукта. На какой-то кошмарный миг я представляю, что именно так и обстоят дела. Что у дверей дворца гниющей кучей свалены тела семи девушек, прошедших к нему до меня, мертвые и обглоданные насекомыми. Но я прогоняю эту мысль и отступаю от телескопа.

Я больше не ребенок. Я вправляла сломанные кости, сшивала разорванную плоть и помогала отпиливать пораженные гангреной конечности. Что бы ни ждало меня у Рувена в его терновнике, я этого не боюсь и сегодня же вечером поговорю с матушкой Уной.

Мы продолжаем наш путь. Но добравшись до первого дома из нашего списка, видим, что у него уже собралась целая толпа. Проталкиваясь вперед, я слышу ропот среди толпы.

— Чума, смерть.

Люди отступают от нас, едва заметив белую вуаль на лице сестры Зенуван, но судя по выражению их лиц, скорее от страха заразиться, чем из уважения.

Когда мы доходим до веревочного барьера, который полисмены установили поперек улицы, мой желудок скручивает ледяной ужас. Над открытой дверью дома, который мы собирались посетить и куда каменщик вернулся

